
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
УДК 323.1

А.Н. Юрин

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.:
КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД**

*Аспирант Российского государственного гуманитарного
университета, yurin@mail.ru
Москва, Россия.*

Основной целью данной работы является попытка критически рассмотреть три основные работы, которые легли в основу современного изучения нации и национализма, сформировав данное дисциплинарное поле. Кроме того, на примере данных работ предпринимается попытка проследить изменение исследовательской парадигмы в изучении нации и национализма, предопределившей основные исследовательские вопросы и способы их решения в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова: нация; национализм; конструктивистский подход; исследование национализма.

Поступила: 15.05.2017

Принята к печати: 17.05.2017

Alexander Yurin

**Interdisciplinary study of nation in the second half
of the 20th century: Constructivist approach**

*Postgraduate student of Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, yurin@mail.ru*

This paper aims to critically analyze three basic books, which lay the foundation for the modern Nationalism studies, defining the field in our days. Given the three exemplary works, it is to be demonstrated the main paradigm shift in the field of nation and nationalism studies, which defined the main research question and methods towards the end of the 20th – the beginning of the 21st century.

Keywords: nation; nationalism; constructivism; nationalism studies.

Received: 15.05.2017

Accepted: 17.05.2017

Поскольку в наш век явление должно быть признано «проблемой», для того чтобы привлечь к себе внимание тех, чье дело – решать, что должно волновать общественность, то национализм, по-видимому, вновь снискал себе достаточно скверную славу, для того чтобы перестать быть объектом сектантского действия «узких специалистов» и превратиться в вопрос для всеобщего обсуждения.

Парта Чаттерджи

Введение

Вопрос о национальном строительстве является актуальным для большинства стран постсоветского пространства, в том числе для Российской Федерации. Именно распад СССР послужил причиной для так называемой третьей волны в изучении нации и национализма. Попытки осмысления, институционализации и законодательного закрепления понятия российской нации являются актуальными задачами и сегодня не только для правительства РФ, но и для экспертного сообщества. Одним из ярких примеров этого процесса является законодательная инициатива, поддержанная В.В. Путиным, о разработке закона о российской нации¹.

Данная работа представляет собой попытку теоретической ревизии ряда подходов в междисциплинарных исследованиях нации второй половины XX в., которые сформировали исследовательское поле, известное сегодня как «исследования национализма» (Nationalism studies). Еще одна важная задача, которую ставит перед собой эта работа, – продемонстрировать изменение научно-исследовательской перспективы в социальных науках, которая предопределила основные подходы в изучении нации и национализма в конце XX – начале XXI в.

Разумеется, интерес к изучению нации и национализма обладает богатой интеллектуальной традицией. Но говоря о Nationalism studies как о дисциплинарном поле, стоит сказать, что сформировано оно относительно недавно (в конце XX в.), и несмотря на то что география основных исследовательских центров относительно

¹ Султыгов А.-Х. Из выступления на заседании Совета по национальной политике и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации. – Режим доступа: <http://fadn.gov.ru/news/2016/11/23/3029-abdul-hakim-sultygov> (Дата обращения: 23.11.2016.)

разнообразна, в теоретическую основу этого направления легли труды преимущественно англо-американских авторов.

Что касается дисциплинарной принадлежности этого поля, тут стоит отметить, что, как и все «studies», это поле сконцентрировано не вокруг дисциплины, подхода или метода, а скорее вокруг предмета изучения, являясь по сути междисциплинарным. Энтони Смит и Джон Хатчинсон, говоря о развитии исследования национализма, говорят о неизбежности междисциплинарного подхода в силу комплексности предмета, что даже обозначают как проблему: «Помимо всего прочего, существует проблема междисциплинарности. Исследования наций и национализма не могут быть заключены в рамки лишь одной дисциплинарной перспективы. Долгое время в этом поле главенствующую роль занимали историки, но с недавних пор к ним присоединились антропологи, политологи, социологи, социальные психологи, лингвисты, исследователи международных отношений, географы, философы, региональные экономисты, исследователи международного права и многие другие. Многообразие компонентов, составляющих национальную идентичность, и возможных каузальных факторов, сделало невозможным для ученых одной дисциплины изучать нечто большее, чем несколько аспектов или примеров, свойственных для этого предмета»¹ [Hutchinson, Smith, 1994, p. 5].

Кроме того, стоит внести некоторую ясность в терминологический аппарат, а также в традицию употребления слов «нация» и «национализм» в западноевропейской и американской традициях, а также в восточноевропейской и российской.

Говоря о понятии «национализм», в названии дисциплинарного поля стоит отметить, что оно не несет преимущественно негативной окраски, а в англо-американской традиции словоупотребления является по большей части нейтральным [Малахов, 2010, с. 14]. Что же касается понятия «нация», которое является основным в

¹ Then there is the problem of interdisciplinarity. The study of nations and nationalism cannot be confined to a single disciplinary perspective. Historians long dominated the field, but latterly they have been joined by anthropologists, political scientists, sociologists, social psychologists, students of linguistics, international relations scholars, geographers, philosophers, regional economists, international lawyers and many others. The sheer variety of components of national identities and of possible causal factors has made it impossible for scholars of any one discipline to study more than a few aspects and examples of the subject. (Цит. по: Hutchinson J., Smith A.D. Nationalism. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 1994. – P. 3.) – *Пер. авт.*

этом поле, то разговор о его многозначности заслуживает отдельного исследования, здесь же стоит указать лишь на следующую разницу словоупотребления: «В Соединенных Штатах Америки и большинстве стран Северной и Западной Европы “национальность” обычно означает “гражданство”, т.е. принадлежность к государству; а слова “нация” и “государство” часто употребляются как взаимозаменяемые. В Центральной и Восточной Европе, напротив, “нация” и “национальность” не указывают преимущественно на государство, но подразумевают обычно этнокультурную систему отсылок, независимую от существующих границ. Идентифицировать себя как венгра по национальности в Трансильвании значит взывать к венгерской этнокультурной “нации” существующей независимо от государственных границ» [Брубейкер, 2012, с. 48]. Такая концептуальная разница обусловлена целым рядом исторических процессов построения национальных государств в Европе, на что указывает Юрген Хабермас: «Два компонента понятия национального государства – государство и нация – относятся к сближающимся, но изначально разным историческим процессам: образованию современных государств и строительству современных наций. Классические национальные государства на западе и севере Европы сформировались в рамках существовавших территориальных государств, между тем как “поздние” нации, Италия и Германия, взяли курс, который впоследствии стал типичным для Центральной и Восточной Европы: здесь образование государства просто шло по следам национального сознания, складывавшегося, в свою очередь, вокруг общего языка, общей истории и культуры» [Хабермас, 2002, с. 366–367]. Именно англо-американское понимание понятия нация, рассматриваемого в тесной взаимосвязи с понятием государства, стало доминирующим во второй половине XX в. В середине 90-х годов Эрик Хобсбаум пишет: «Подобно большинству серьезных исследователей, я не рассматриваю “нацию” ни как первичное, изначальное, ни как неизменное социальное образование: она всецело принадлежит к конкретному, по меркам истории, недавнему периоду. Нация есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с “нацией-государством”, и рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет, на мой взгляд, никакого смысла» [Хобсбаум, 1998, с. 20]. Здесь стоит отметить, что такая

позиция была характерна для англо-американских как политических, так и социальных наук и вполне укладывалась в парадигму политического реализма, сформированную после Второй мировой войны. Однако уже в начале 80-х годов происходит заметный сдвиг в изучении нации и в общем в политических и социальных науках. Владимир Малахов, характеризуя этот сдвиг в поле исследований нации и национализма, пишет: «Можно точно назвать год, с которого началась новая эпоха в области изучения национализма. Это 1983 г., когда почти одновременно вышли в свет работа Э. Геллнера “Нации и национализм”, книга Бенедикта Андерсона “Воображаемые сообщества” и сборник статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера “Изобретение традиции”. Эти работы радикально изменили исследовательскую ситуацию. После них стало невозможно писать о национализме так, как о нем писали раньше. Без явной или скрытой отсылки к этим авторам (в виде развития их идей или отталкивания от них) сегодня не обходится ни одно серьезное сочинение о национализме» [Малахов, 2010, с. 41].

В данной работе будет предпринята попытка кратко рассмотреть особенности всех трех работ, которые легли в основание такого дисциплинарного поля, как Nationalism studies. Кроме того, будет дана попытка показать, как по-новому строится исследование нации с позиций социального конструктивизма. Такая задача обоснована тем, что конструктивистский подход в изучении нации и национализма до сих пор является лидирующим и во многом определил все исследовательское поле. Говоря о социальном конструктивизме, сразу следует отметить, что он не представляет собой нечто строго регламентированное. Скорее, социальный конструктивизм в исследованиях национализма можно описать как набор исследовательских позиций, сходных между собой в неприятии эссенциалистского¹ подхода, а также в понимании того, что социальные феномены, к которым относится и нация, конструируются в процессе социального взаимодействия [там же, с. 103]. Родоначальниками конструктивистской парадигмы обычно считают Питера Бергмана и Томаса Лукмана с их работой «Социальное конструирование реальности». Далее эти взгляды были поддержаны и развиты целым рядом исследователей, к которым часто причисляют Мишеля Фуко, Жака Деррида, Жилия Делеза,

¹ Иногда примордиалистского. – Прим. авт.

Жана Бодрийара, Пьера Бурдьё и многих других. В исследованиях нации и национализма ярчайшими представителями этой парадигмы стали Бенедикт Андерсон и Эрик Хобсбаум, в чьих вышеприведенных работах идея сконструированности, изобретенности или воображенности нации вынесена в заглавие.

Прежде чем начать анализ содержания трех выбранных трудов, стоит сделать еще одно методологическое отступление, характерное для всех трех работ, которое является ключевым для понимания нации. Несмотря на отсутствие сколько бы то ни было удовлетворительного определения нации, с которым было бы согласно большинство исследователей, существует достаточно прочный консенсус касающийся того, что нация является относительно новым феноменом. Феномен нации возникает в эпоху Нового времени. В связи с этим, часто называют следующие исторические вехи, которые связывают с возникновением национализма: 1775 г. (Первый раздел Польши), 1776 г. (Декларация независимости США), 1789 и 1792 гг. (начало и вторая фаза Великой французской революции) и 1807 г. (Речи к немецкой нации Иоганна Готлиба Фихте) [Hutchinson, Smith, 1994, p. 5].

1. Бенедикт Андерсон «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма»

В качестве отправной точки для понимания концепции нации Бенедикта Андерсона может служить вопрос о том, каким образом мы обладаем знанием или ощущением причастности к той или иной нации. Отвечая на этот вопрос, Андерсон констатирует тот факт, что ни один индивид никогда не сталкивался и не столкнется со всеми остальными или хотя бы с большей частью представителей того сообщества, которое принято называть нацией: «Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон, 2001, с. 47]¹. Из этого поло-

¹ Цит. по: Баба Х. Диссеми Нация: время, повествование и края современной нации // Синий диван / Под ред. Петровской Е. – М.: Три Квадрата, 2005. – Вып. 6. – С. 68–118.

жения следует определение нации, которое дает Андерсон: «Таким образом, поступая так, как обычно поступают в антропологии, я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но, в то же время, суверенное» [Андерсон, 2001, с. 28].

Следовательно, представления о нации не даны индивиду в личном опыте, а являются опосредованным знанием. Отсюда возникает важный для цели работы вопрос: посредством чего и каким образом происходит *воображение* нации как ограниченного сообщества?

Рассматривая становление современных наций в контексте возникновения, а что самое главное – массового распространения новых технологий, автор выделяет ряд медиаторов, играющих важную роль в воображении нации. В первую очередь важным для него является возникновение книгопечатания: этот новый тип передачи информации мог обеспечить необходимую массовость, для того чтобы информировать членов такой большой социальной группы, как нация. Кроме того, книгопечатание и переход на национальные языки сыграли не только медиативную роль в передаче информации, они стали образующими факторами этой социальной группы. Переход книгопечатания с латыни на национальные языки был продиктован, по Андерсону, в том числе тем, что печатные дома искали новые рынки сбыта, а владеющая латынью прослойка в Европе была чрезвычайно узкой. Таким образом, соединение капиталистического и технологического компонентов не только создало условие для рождения нового книгопечатного продукта, но и неизбежно привело к возникновению печатных языков, которые в определенном смысле ассимилировали локальные наречия, предлагая универсальную и относительно устойчивую систему значений. «Мы можем подытожить выводы из приведенных выше рассуждений, сказав, что соединение капитализма и техники книгопечатания в точке фатальной разнородности человеческого языка сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, базисная морфология которого подготовила почву для современной нации», – пишет Андерсон [там же, с. 69]. Таким образом, читая книги и газеты на национальных языках, члены сообщества, на которое эти книги и газеты были рассчитаны, могли воображать себя как единое целое.

Удобным и богатым материалом для исследования зарождения и конструирования национальных государств являются колониальная политика и национальное строительство в Юго-Восточной Азии. Автор убедительно демонстрирует, как новые технологии и институты формируют образы будущих национальных государств. В этом процессе он отдает особое место трем институтам: «карте», «переписи» и «музею». Несмотря на то что картография, перепись и музей не являются изобретениями XIX в., опираясь на новые технологии и становясь инструментом колониальной политики, они играют важнейшую роль в формировании образов будущих наций.

Для автора важным изменением в переписи второй половины XIX в. была новая для нее функция создания определенного рода демографической топографии, следовательно, создания ряда институтов, рассматривающих демографические единицы как *vis-à-vis* управления: «Руководствуясь собственной воображаемой картой, государство организовывало новые образовательные, юридические, здравоохранительные, полицейские и иммиграционные бюрократии, и все они строились по принципу этно-расовых иерархий, которые между тем всегда понимались в терминах параллельных серийных рядов. Прохождение подчиненного населения через сеть дифференцирующих школ, судов, клиник, полицейских участков и иммиграционных служб создавало те «привычки перемещения», которые со временем дали прежним фантазиям государства реальную социальную жизнь» [Андерсон, 2001, с. 181]. Таким образом, перепись позволяла бюрократизировать новые этнические единицы, которые из систематических и таксономических единиц были институционализированы и оформлены в социальные практики.

Разработка и внедрение карт играли важную роль для колониальной политики, новые европейские карты, как и перепись, базировались на «тотализирующей классификации», что определяло политику, а следовательно, формирование объекта управления, основанного на картах и переписях. Таким образом, карта становится материальным воплощением колониальной политики (колонии, принадлежащие одной империи, окрашивались в один и тот же цвет), а следовательно, и образ колонии / государства *логотипизировался*, становясь узнаваемым на уровне массового сознания. «Мгновенно узнаваемый и повсюду замечаемый, логотип карты глубоко внедрялся в массовое воображение, формируя вырази-

тельный символ зарождающихся антиколониальных национализмов», – пишет Андерсон [Андерсон, 2001, с. 193].

И, наконец, музей, который служит своеобразным овеществлением новой истории¹, истории, которая пишется от «лица национальных государств», играет, по Андерсону, важнейшую роль в представлении не только нации, но и в создании ее временного измерения.

Важно понимать, что как карта, музей, перепись, так и новый тип национальной истории должны были проникать в массовое сознание благодаря целому ряду бюрократических институтов того времени, и основным из них были безусловно, система образования. Новые образы нации, порожденные картой, переписью, музеем и новыми историческими нарративами, перепечатывались и рассылались по школам, формируя национальные образы: «Ярким примером служит серия живописных полотен с изображением эпизодов национальной истории, заказанная в 50-е годы министерством образования Индонезии. Эти картины должны были быть запущены в массовое производство и разосланы по всем начальным школам; повсюду на стенах школьных классов юные индонезийцы должны были видеть визуальные репрезентации прошлого своей страны» [там же, с. 201].

2. Изобретение традиций²

В предыдущем параграфе была затронута тема национальной истории и ее особой роли в воображении нации. Бенедикт Андерсон посвящает этой теме отдельную главу в своей работе «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», где он сравнивает ее с беньяминовским Ангелом истории, который летит спиной вперед. Будучи достаточно новым образованием, молодые нации нуждались в исторической легити-

¹ Подробнее о конструировании исторических нарративов и их связи с национальным строительством – в следующем параграфе. – *Прим. авт.*

² Название данного параграфа совпадает с названием сборника статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера, который является чрезвычайно важным источником национальных исследований, открывая новые перспективы того, как на первый взгляд древние традиции являются изобретением недавнего времени, а также то, какую роль они играют в мобилизации населения и национальном строительстве.

мации, а также в преодолении целого ряда разногласий, существовавших между различными сообществами внутри новых национальных государств. Эти и другие задачи ставились перед новым типом исторических описаний, который начинает возникать в эпоху возникновения национальных государств. Метафора ангела истории важна была для Андерсона тем, чтобы показать ретроспективность исторического процесса, в котором история не развивается, как это было в гегельянской перспективе, а пишется, т.е. создается историками, и пишется эта новая история от «лица умерших» и от анонимного лица нации. Глядя на социокультурное измерение современных национальных государств, легко можно наблюдать целый ряд того, что называется национальными традициями, которые могут принимать различные культурные формы, но важным остается то, что основной функцией этих традиций является репрезентация нации и национального единства именно через такого рода традиции нация узнает и воспроизводит себя. Такое соотношение нации как нововременного феномена и национальной истории, возводящей истоки нации к седой древности, Бенедикт Андерсон обозначит как основной парадокс нации: «Но почему нации прославляют свою древность, а не блистательную юность?» [Anderson, 2005, p. 248].

Однако здесь возникает вопрос о том, насколько древними являются национальные традиции и как они изобретаются. На этот вопрос и отвечает сборник статей «Изобретение традиции». Во введении Э. Хобсбаум пишет: «Очевидно, что многочисленные политические институты, идеологические движения и группы – в особенности национализм – были беспрецедентными, так что даже историческая непрерывность должна была быть изобретена, например, путем изобретения далекого прошлого за пределами фактического исторического континуума, либо путем полухудожественных произведений (semi-fiction) (Боудика, Верцингеторикс, Арминий), либо благодаря фальсификации (Оссиан, чешские средневековые манускрипты)»¹ [Hobsbawm, Ranger, 1992, p. 7].

¹ It is clear that plenty of political institutions, ideological movements and groups – not least in nationalism – were so unprecedented that even historic continuity had to be invented, for example by creating an ancient past beyond effective historical continuity, either by semi-fiction (Boadicea, Vercingetorix, Arminius the Cheruscan) or by forgery (Ossian, the

Сборник статей содержит анализ различного рода традиций и символов, изобретенных в Новое время, которые на сегодняшний день рассматриваются как древние и являются узнаваемыми национальными символами. Одним из наиболее ярких примеров является комплексный анализ происхождения шотландского килта, проведенного Хью Тревором-Ропером, который приходит к поразительному выводу:

«Таким образом, мы можем утверждать, что килт является современным костюмом, впервые сконструированным и впервые надетым английским индустриалистом-квакером, который был дарован шотландским горцам не для того, чтобы сохранить их традиционный образ жизни, а для того, чтобы облегчить его трансформацию: вывести их из вересковых зарослей на фабрики»¹ [Hobsbawm, Ranger, 1992, p. 22]. Этот пример и многие другие демонстрируют *изобретенность* национальных символов, которые сегодня являются отличительными чертами национальных единиц.

Создание такого рода традиций является важным фактором в ритуальном воспоминании и забывании, о котором пишет Ренан в своей работе «Что такое нация?»: «Но сущность нации именно в том, чтобы все индивидуумы имели много общего, чтобы все они многое позабыли. Ни один француз не знает, бургунд он, алан или вестгот; всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь, убийства на Юге в XIII веке» [Ренан, 2002, с. 92].

Поэтому изобретение *новых* традиций, которые хоть и могут иметь локальное происхождение, играют важную роль, так как они перестают быть локальными, переходя на национальный уровень, что позволяет всем членам национального сообщества узнавать себя в них, одновременно замещая ими память о раздорах, которым не остается места ни в национальной истории, ни в национальных праздниках.

Czech medieval manuscripts). (Цит. по: Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – P. 7.) – Пер. авт.

¹ We may thus conclude that the kilt is a purely modern costume, first designed, and first worn, by an English Quaker industrialist, and that it was bestowed by him on the Highlanders in order not to preserve their traditional way of life but to ease its transformation: to bring them out of the heather and into the factory. (Цит. по: Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – P. 22). – Пер. авт.

3. Эрнест Геллнер «Нации и национализм»

Эрнест Геллнер стоит несколько особняком в тройке взятых нами для анализа авторов: Владимир Малахов помещает его в структурно-функционалистское направление исследователей нации [Малахов, 2010, с. 62]. По его мнению, авторов такого подхода объединяет мысль о связи модернизации и национального строительства. Важным моментом для понимания его концепции национализма (вследствие которого возникают и нации) является взаимосвязь возникновения наций с новым – индустриальным обществом, пришедшим на смену аграрному, что принесло с собой новые технологии, новые типы управления, а самое главное – новое социокультурное устройство. Во многом Геллнер согласен с Андерсоном, говоря о взаимосвязи книгопечатания и ряда других технологических инноваций времен возникновения наций, а также процессов национального строительства. Однако инновационной и одновременно самой критикуемой мыслью Геллнера является то, что нации являются продуктом национализма, а не наоборот. Геллнер определяет национализм следующим образом: «Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [Геллнер, 1991, с. 23]. Все же остальные – нация или национальное чувство – являются производными этого принципа, возникающими в результате соблюдения или же нарушения его. Кроме того, понятие «нация» рассматривается не просто во взаимосвязи с понятием государства, как это было у Хобсбаума, оно становится в определенной степени зависимым от него и даже производным, поскольку национализм может возникнуть только в рамках государства: «Не только наше определение национализма невозможно без исходного, взятого как данность определения государства, дело еще и в том, что национализм проявляется только в среде, где государство уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся» [там же, с. 25].

На первый взгляд, многие технологические факторы построения наций у Геллнера напоминают те, которые мы рассмотрели в «Воображаемых сообществах», однако здесь присутствует радикально другая исходная позиция. Геллнер видит возникновение наций как некоторую необходимость, которая продиктована новым типом государства, отличающимся производственной куль-

турой. Проводя сравнение между аграрным и индустриальным государствами, автор убедительно показывает, что они различаются не только по типу производства, но и по типу управления, а также по той культуре, которую они создают, и именно последняя предполагает возникновение наций. Этот принцип хорошо демонстрируется на примере образования, которое, по Геллнеру, играло важную роль в нациестроительстве. Он больше, чем другие авторы, уделяет внимания новому типу образования, который появляется в этот же период и, по его мнению, играет ключевую роль в национальном строительстве, но самое главное – отвечает запросам новой индустриальной эпохи. Возникновение всеобщего централизованного, стандартизированного образования – это то, что, по мнению автора, максимально отвечало запросам нового общества: мобильности, как социальной, так и географической, а также культурной однородности. Запрос индустриального общества на индивида, с минимальным и стандартным уровнем компетенций мог быть удовлетворен именно такой, новой системой образования, с одной стороны, а также новой большой культурно-политической единицей – национальным государством: «Средний уровень грамотности и технической компетентности, ставший стандартным, общепонятная база, которую необходимо иметь членам этого общества, чтобы они нашли себе применение и могли чувствовать себя полноправными и действительными его представителями, настолько выросла, что их просто не в состоянии обеспечить семейные или локальные группы в их настоящем виде. Их может обеспечить только лишь нечто подобное современной “национальной” образовательной системе, представляющей собой пирамиду, в основании которой находятся начальные школы, укомплектованные учителями, обученными в средних школах, укомплектованных учителями с университетским образованием, полученным под руководством воспитанников аспирантур. Такая пирамида является критерием для определения минимального размера жизнеспособной политической единицы. Ни одна политическая единица, слишком маленькая, чтобы содержать эту пирамиду, не может функционировать самостоятельно, не может существовать. Это и есть критерий ее минимального размера» [Геллнер, 1991, с. 85–86]. Этот и многие другие примеры в «Нации и национализме» показывают взаимосвязь между модернизацией и возникновением наций. Именно индустриализация создает особые

условия, в которых рождается новая социокультурная среда, которая приводит к образованию наций и национальных государств.

Этот пример наглядно демонстрирует развитие структурно-функционального подхода Геллнера к изучению нации, согласно которому нация возникает как ответ на требования индустриализации и модернизации. Стоит отметить, что работа Геллнера подверглась ряду критических замечаний, на которые он не мог ответить. Критике подверглись сразу несколько важных особенностей работы Геллнера – «Нации и национализм». В первую очередь – оторванность теоретической конструкции от исторического материала и актуализации процессов нациестроительства [Малахов, 2010, с. 65]. Кроме того, подверглись критике основные теоретические узлы, такие как связь нации и индустриализма, которая не выдержала проверки в применении к эмпирическому материалу: такой подход не мог объяснить возникновения национализма в аграрных сообществах.

Несмотря на это, работа «Нации и национализм» стала и остается базовой в поле исследований нации и национализма.

Заключение

Сегодня междисциплинарное поле исследований нации и национализма является достаточно развитым, включая тысячи исследователей и десятки специализированных институций. Сформировавшийся в 80-е годы конструктивистский подход сыграл важную роль в отмежевании исследований наций от эссенциалистского подхода и до сих пор является одним из лидирующих направлений в данной области исследований. Работы Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума дали мощный импульс развитию не только этого исследовательского поля, но и целого ряда дисциплин, став для некоторых классическими работами. Предложенная этими авторами магистральная линия исследования нашла множество чрезвычайно плодотворных ветвлений. Таким образом, дальнейшее развитие социально-конструктивистского подхода, который все больше стал связываться с «дискурсивным поворотом», где одним из основных способов конструирования реальности стали выступать дискурсивные практики. Такое развитие дало мощный толчок и новое измерение в изучении нации, когда в качестве основного метода выступает

анализ дискурса. Работы, выполненные в этом ключе, стали преобладать в изучении нации и национализма в последние годы, что позволило заговорить о критике конструктивизма в таком его понимании¹.

Список литературы

1. *Anderson B.* Narrating the nation // *The Times Literary Supplement*. – 1986. – Jun 13. – P. 659.
2. *Hobsbawm E., Ranger T.* *The Invention of Tradition*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – 322 p.
3. *Hutchinson J., Smith A.D.* *Nationalism*. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 1994. – 378 p.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
5. *Баба Х.* Диссеми Нация: время, повествование и края современной нации // *Синий диван* / Под ред. Петровской Е.М.: Три Квадрата, 2005. – Вып. 6. – С. 68–118.
6. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
7. *Геллнер Э.* *Нации и национализм*. – М.: Прогресс 1991. – 126 с.
8. *Малахов В.С.* *Национализм как политическая идеология: Учебное пособие*. – М.: КДУ, 2010. – 318 с.
9. *Паин Э., Федюнин С.* О методологической перезагрузке теории нации. Отсчет формирования либерального «государства-нации»? Политическая практика и несвоевременные иллюзии современной политики и гуманитарных наук. – Режим доступа: http://gefter.ru/archive/22113#disqus_thread.
10. *Ренан Э.* Что такое нация? // *Ренан Э. Собрание сочинений: В 12 т. / Пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского*. – Киев, 2002. – Т. 6. – С. 87–101.
11. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. – М.: Праксис, 2002. – С. 368–378.
12. *Хобсбаум Э.* *Нации и национализм после 1780 г.* – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.

¹ См., например: Паин Э., Федюнин С. О методологической перезагрузке теории нации Отсчет формирования либерального «государства-нации»? Политическая практика и несвоевременные иллюзии современной политики и гуманитарных наук. – Режим доступа: http://gefter.ru/archive/22113#disqus_thread.

References

1. *Baba H.* Dissemi Nacija: vremena, povestvovanie i kraja sovremennoj nacii // Sinij divan / Pod red. Petrovskoj E. [vyp. 6]. – M.: Tri Kvadrata, 2005. – S. 68–118.
2. *Brubejker R.* Jetnichnost' bez grupp. – M.: Izd. dom. Vysšej shkoly jekonomiki, 2012. – 408 c.
3. *Gellner Je.* Nacii i nacionalizm. – M.: Progress, 1991. – 126 c.
4. *Malahov V.S.* Nacionalizm kak politicheskaja ideologija: uchebnoe posobie. – M.: KDU, 2010. – 318 c.
5. *Pain E., Fedjunin S.* O metodologicheskoy perezagruzke teorii nacii Otschet formirovanija liberal'nogo «gosudarstva-nacii»? Politicheskaja praktika i nesvoevremennye illjuzii sovremennoj politiki i gumanitarnyh nauk. – Mode of access: http://gefter.ru/archive/22113#disqus_thread.
6. *Renan Je.* Chto takoe nacija? // Renan Je. Sobranie sochinenij: 12 t. / Perevod s francuzskogo pod redakciej V.N. Mihajlovskogo. – Kiev, 1902. – T. 6. – S. 87–101.
7. *Habermas Ju.* Evropejskoe nacional'noe gosudarstvo: ego dostizhenija i predely. O proshlom i budushhem suvereniteta i grazhdanstva // Nacii i nacionalizm. – M.: Praksis, 2002. – S. 368–378.
8. *Hobsbaum E.* Nacii i nacionalizm posle 1780 g. – SPb.: «Aletejja», 1998. – 305 s.